

Д. А. Толстой

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. А. КОЗЫРЕВЕ¹

В начале шестидесятых годов среди людей, окружавших нас, появился человек, оказавший на мой внутренний мир колоссальное влияние, обогативший сознание плодоносными идеями и гипотезами. Это был, по моему глубокому убеждению, гениальный, не понятый своим временем ученый, мыслитель и астроном Николай Александрович Козырев.

Я знал его и раньше, до войны. Тогда он был подающим надежды астрономом, приятелем Лиды Радловой, с которой его соединяли профессиональные интересы. Помнится, Лида пригласила и привезла Колю Козырева на Селигер, в Неприе, когда вся наша семья жила у бакенщика Петрова. В Козыреве сразу была заметна широта интересов и быстрый ум. Все в нем выдавало человека любопытного к тайнам природы и одаренного редкой памятью и эрудицией. На всех обитателей избы бакенщика он произвел впечатление человека эмоционального, впечатлительного и очень увлекающегося. Он как бы излучал силу и здоровье. Уже по первому взгляду в нем можно было угадать спортсмена.

Коле Козыреву были уготованы великие испытания. Он просидел десять лет в сталинском лагере. В эти же страшные годы в том же ГУЛАГе находился и А. И. Солженицын, с которым он встречался после освобождения и которого часто потом вспоминал. Если до войны Козырев был талантливый молодым ученым, влюбленным в науку и верящим в ее могущество, то из лагеря он вернулся глубоко верующим человеком. Много лет спустя, в 1975 году, когда я гостил летом у него под Лугой, Коля сказал мне: «Как я завидую вам, Митя, что вы пришли к вере спокойно, без особых страданий».

¹ Публикуется по: *Толстой Д. А.* Для чего все это было. Воспоминания. — СПб.: Библиополис, 1995. — С. 405–414.

© Д. А. Толстой, 2008.

Я же был убежденным атеистом. И мне, чтобы я уверовал, надо было кол на голове тесать». И он поведал мне о нескольких чудесных случаях, произошедших с ним на дальнем Севере. Это были те моменты личного опыта, которые могут быть названы встречей с Богом, о которых помнит каждый верующий и о которых редко говорят.

Имя Козырева стало известно всему астрономическому миру, когда он, наблюдая в телескоп кратер Альфонс на Луне, увидел и заснял дым, идущий из кратера. Это позволило ему доказать существование вулканической деятельности на Луне, что и было в 1969 году подтверждено американскими космонавтами Армстронгом и Олдрином. Кроме того, Козырев внес много нового в исследования атмосферы Венеры и поверхности Меркурия. За эти работы он был награжден Астрономическим обществом Федеративной Республики Германии — ему была вручена золотая алмазная цепь. Однако в СССР его имя и после освобождения из лагеря продолжало оставаться одиозным. Славой и почетом пользовался он только до определенной черты. За ним признавали лишь ученую степень доктора и право наблюдать небо в Пулковской обсерватории. Под конец жизни у него отняли даже башню в Пулкове. Это объяснялось тем, что Н. А. Козырев был потрясателем научных основ. Он посягал на святыни всех советских ученых того времени — на сложившиеся теории мироздания, на материалистическое воззрение и даже на общую теорию относительности Эйнштейна (специальную теорию относительности он признавал), то есть на все то, что кормило, лелеяло и славilo грозную армаду советских астрономов и астрофизиков. Он был бунтарь, и, как все великие еретики в науке, бунтарь-одиночка. Попытаюсь вкратце изложить его теорию, основной труд его жизни.

Уже с юных лет Н. А. Козырева интересовал феномен времени. Причем интересовал не метафизически, не абстрактно, как блаженного Августина, а вполне конкретно, как истинного ученого двадцатого века. Он был не единственный, занимавшийся временем, этому были посвящены ученые труды его современников — Фридмана, Уитроу и Рейхенбаха. Козырев решил исследовать физические свойства времени. Многие годы ушли у него на построение и подготовку опытов. Он долго изучал вращательные движения

волчка, которые, как он полагал, должны быть свойственны нашему земному шару, проводил эксперименты с крутильными весами. Наконец, опыты стали давать результаты. Козыреву удалось установить некоторые физические свойства времени: энергию, которую оно может поглощать и излучать, направленность и плотность. Это не давало права считать время чем-то определенно материальным, но обнаруживало в нем некоторые свойства материи.

Козырев установил, что известные необратимые процессы в природе ведут к изменениям плотности времени. Иными словами, время обладает способностью сгущаться и разрежаться. Это означает, что ток времени как бы может менять свою скорость. Конечно, трудно и, по всей видимости, даже немислимо вести разговор о скорости времени: ведь очевидно — всякая скорость сама определяется через пространство и время. И все же, считал Козырев, можно говорить об интенсивности, то есть о количестве времени так, как мы, к примеру, говорим о количестве электричества. К такому взгляду привели его опыты, показавшие, что под воздействием необратимого процесса внутри устройства совершенно неизвестная сила начинает отклонять стрелку прибора. Опыты были поставлены так, что движущая стрелку сила не могла быть ни электромагнитной, ни гравитационной, ни термодинамической, ни химической, ни любой из механических сил. Козырев предположил, что здесь происходят изменения плотности времени, что время проявляет себя как субстанция, обладающая энергией.

В начале нашего века французский ученый Blondlo открыл неизвестное доселе излучение, которое Парижская академия через некоторое время, извинившись перед всем миром, «закрыла», то есть посчитала его ошибкой. Козырев пришел к выводу, что Blondlo натолкнулся на то же, на что и он, — на свойство времени поглощать и излучать энергию. Его неудача, по мнению Козырева, означала то, что он, Blondlo, слишком опередил свой век.

Козырев говорил, что время во Вселенной по я в л я е т с я . При чем появляется сразу и везде. И сгущения, и разрежения, вызванные энергетическими изменениями, происходят в одно и то же мгновение. Чтобы сделать мысль более понятной, он приводил несколько упрощенный пример тюбика с таблетками: если у тюбика подпороть дно и убрать одну нижнюю таблетку, остальные сразу

же осядут вниз. Он считал, что ему удалось найти во вселенной пример практически мгновенной связи. Это совершенно противоречило общей теории относительности, установившей мировую константу — скорость света в пустоте — и не допускавшей ничего, что бы превышало эту скорость.

Радикализм козыревских взглядов на вселенную этим не ограничивается. Под конец жизни Н. А. Козырев был убежден, что множественности миров не существует, что нет никаких антимиров, что мир един. Он гипотетически полагал, что время, расходуя свою энергию, уничтожает энтропию (меру хаоса) и устанавливает дезэнтропию — порядок, логос во Вселенной. Некоторые его предположения многим казались почти безумными. Он допускал, например, что в звездах, в частности в нашем Солнце, сгорает время, а превращение атомов водорода в атомы гелия с высвобождением свободных нейтрино может быть при этом сопровождающим процессом.

Самое необыкновенное и замечательное в движении его мыслей было появление по мере их развития вглубь и вширь религиозной концепции. Он совершенно этого не пугался; в этом отношении он не походил на большинство раз и навсегда испуганных научных работников, до потери сознания боящихся упреков в идеализме. Он же пришел к необходимости Абсолюта, как он иногда говорил, научно, путем природного гнозиса, будучи ученым. Можно припомнить: все самые глубокие мыслители прошлого, все, внесшие максимальный вклад в науку, — Паскаль, Ньютон, Гете, Вернадский, Циолковский, Бутлеров, Флоренский — были искренне верующими. Однажды Коля Козырев прочел мне предисловие к «Началам» Ньютона. В нем великий ученый благодарит Бога за то, что Он, Всемогущий, удостоил его, смиренного раба, великой чести — позволил открыть закон всемирного тяготения. Я помню, в юности нам всем внушали, что Ньютон написал эти строки, ибо боялся попов и участи Джордано Бруно. Как не похоже это на мудрого и отважного Ньютона! Нет, товарищи безбожники, в отличие от коекого другого, сэра Исаак Ньютон, королевский академик, ничего и никого не боялся! Я убежден, всем его словам можно доверять; если бы эти строки из «Начал» были не от чистого сердца, Ньютон бы их не написал. Наука никогда не может натолкнуться на препятствие со стороны религии, если человек склонён перед Богом,

не бунтует против Него и не желает стать Богом сам. В корне неверна мысль о том, что знания и вера суть вещи несовместимые. При более внимательном рассмотрении оказывается, что знания нужны вере и вера нужна знаниям. Надо только поставить веру прежде знаний и не возмущаться таким приоритетным положением. Не то же ль делают материалисты? У них ведь тоже впереди знаний вера с минусовым знаком; они тоже не могут принять ни один природный факт, самый невероятный, если приходится допустить вмешательство недоступных анализу высших сил. То есть их изначальная формула «Бога нет» и у них впереди всяких знаний.

Н. А. Козырев был высокого роста. В молодости был неотразим, и женщины влюблялись в него, как говорится, пачками. Ко времени начала нашей дружбы он был совершенно лыс. У него был правильно очерченный большой рот, крупный, но не чрезмерно большой нос с крутым вырезом ноздрей, довольно густые брови, необыкновенной глубины большие серо-голубые глаза и до старости спортивная, стройная фигура. В его взгляде светило нечто большее, чем мысль, — в его глазах жила тайна. В подчеркнуто вежливой манере разговаривать, слегка наклонив голову, в участливом внимании к собеседнику и готовности смеяться его шутке было что-то позволяющее угадывать в нем природного петербуржца.

У себя дома Козырев избегал принимать физиков и других собратьев по науке. Астрономов и астрофизиков приглашал к себе в самом ограниченном количестве. Только некоторое время он был в дружеских отношениях с В. А. Амбарцумяном и директором Пулковской обсерватории В. К. Абалакиным. Это было вполне понятно: большинство ученых либо просто не понимало его основных идей, либо не хотело понимать, заранее считая их авантюристскими. Некоторые даже относились к нему презрительно, как к несерьезному ученому. Между прочим, математическая машина его вычислений всегда была на высоте — он был превосходным математиком. Те же немногие, скажем точнее — единицы, которые его понимали хотя бы отчасти и признавали, считали его гениальным.

Он окружил себя, главным образом, людьми других профессий: художниками, искусствоведами, музыкантами, артистами, режиссерами, биологами, историками. Он находил, что эти люди более способны понять его. И мы с Таней стали получать от семьи Ко-

зыревых регулярные просьбы их посетить. Жена Козырева Римма Васильевна была археолог, иногда в их доме бывали ее коллеги по работе.

В середине шестидесятых годов я был приглашен в Пулковскую обсерваторию на доклад Н. А. Козырева о заснятых им вспышках на ночном небе Венеры. Я пришел туда с моим новым знакомым, чрезвычайно интересным человеком, Вячеславом Кондратьевичем Зайцевым. По специальности он был филолог, в совершенстве владел сербским языком. Но балканистика не стала основным занятием в его жизни. Зайцев обладал неистощимой фантазией, строил невероятные, но интереснейшие теории и открывал новые области познания. В то время он пытался соединить новейшие научные и технические изобретения с сюжетами библейских и евангельских текстов. Доказывал, что ангелы, взявшие Еноха на небо, были космические пришельцы, утверждал, что чертежи древнейших христианских храмов построены по образцу космической ракеты, прилетевшей к нам, вероятно, с Эпсилона созвездия Ирида, и т. д. Довольно быстро мы с ним подружились, он стал частым гостем нашего дома. «Эпоха застоя» не пощадила Зайцева, талантливого мечтателя и фантазера. Через несколько лет нашего знакомства он снялся в западногерманском фильме «Встреча с будущим» в качестве ученого, обратившего внимание на остатки древних сооружений в Перу, которые якобы доказывают существование контактов землян с инопланетянами в далеком прошлом. Потом за пропаганду своих эксцентрических теорий он попал на четыре года в брежневский лагерь. В дальнейшем он оставил фантастические измышления молодых лет и стал чрезвычайно религиозным человеком, близким к адвентистам седьмого дня, автором нескольких богословских трудов.

Доклад Козырева, сопровождавшийся фотоснимками и спектральным анализом, мы с Зайцевым прослушали с глубочайшим вниманием. Он должен был убедить аудиторию в искусственном происхождении двух ясно различимых ярких вспышек. Оппоненты же докладчика старались убедить всех в том, что бурная, спокойная поверхность Венеры, навечно спрятанная от нас плотной облачной атмосферой, может породить обыкновенную взрывную реакцию. Козырев горячо и увлеченно возражал противникам.

Он настаивал на том, что вспышки, могущие пробить ночные облака Венеры, должны свидетельствовать о существовании на поверхности этой планеты разумной деятельности. Область возможного существования разумных существ, по его мнению, могла бы ограничиться полярными широтами. Прав он был или нет, не знаю. Впрочем, это не выяснено до сих пор до конца и современной астрономией. Думаю, что это было очередное увлечение, при котором желаемое принимается за реальное. И все же одно было ясно — передо мной выступал творческий человек во всем блеске своего таланта, ума и темперамента.

Зайцев тоже был взволнован докладом Козырева. В перерыве я их познакомил. Вероятно, Слава Зайцев почувствовал в Козыреве родственную душу. Сближения, однако, между ними не произошло. После двух-трех встреч строгий в отборе друзей Коля Козырев увидел в Зайцеве дилетанта. Он сказал как-то о нем: «Неблагодарная работа — пытаться силой фантазии возместить отсутствие необходимых знаний». Козырев мог бы сделать Зайцева постоянным гостем своего дома. Но тот был очень самолюбив, всегда стремился быть в обществе центром внимания, пророком в своем кругу. А в обществе домашних друзей широко образованного и глубоко профессионального Козырева не было никаких оснований пророчествовать Славе Зайцеву.

Все эти годы, вплоть до смерти Коли, моего великого друга, мы с Таней бывали частыми гостями его дома. Всегда были приглашаемы на Пасху, на Рождество, на Троицу. Бывал я и в пулковской башне, куда Коля приглашал посмотреть на планеты. Познакомились мы с его сыновьями — Александром, Николаем, Дмитрием и Федором — и принимали участие в их жизни и судьбе. Старший сын Саша был уже женатым человеком, физиком, работавшим в Институте плазмы. Коля, средний, кончал университет по классическому отделению, занимался хеттской культурой и готовился в аспирантуру. Два младших — Митя и Федя — еще были школьниками. За скромной, но приятной трапезой у Козыревых довелось познакомиться со многими по-разному интересными людьми, поклонниками ученого: с инженером В. Насоновым, режиссером А. Штерном, поэтом О. Охупкиным, знаменитой на весь город учительницей, любимицей всех школьников И. С. Грачевой, астрономом В. Аба-

лакиным, биологом В. Бером, историком Б. Сапуновым. Бывал здесь и московский писатель Олег Волков, томившийся, подобно Козыреву, много лет в сталинском лагере. Говорили о вселенной и обо всем на свете: о Боге, о святых отцах, о блаженном Августине, о Фоме Кемпийском, о Фоме Аквинате, о папстве, о дьявольщине и масонах, о России, о Петре, об Александрах — Первом и Втором, о последнем цареубийстве, о времени, об Эйнштейне, о скорости света, о параллаксах, о точке Омега Пьера Тейяра де Шардена, о священнике Александре Мене, жившем и служившем в Сергиевом Посаде. Это были истинные академии; они отличались от академий Сережи Мусселиуса тем, что при всем разнообразии высказываемых мнений были объединены не музыкальными интересами и не совпадением вкусов, а необходимостью веры в Абсолют.